

ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА

ДОРОШ

РОКОВОЙ САКВОЯЖ

СПАСТИ ИМПЕРАТОРСКУЮ СЕМЬЮ

Вечерний детектив Елены Дорош

Елена Дорош

Роковой саквояж

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дорош Е.

Роковой саквояж / Е. Дорош — «Эксмо», 2026 — (Вечерний детектив Елены Дорош)

ISBN 978-5-04-249706-3

1913 год. Накануне торжеств, посвященных 300-летию дома Романовых, обыденная командировка страхового агента Аникея Киселева превращается в смертельно опасную миссию. Саквояж, набитый пудом золота, становится яблоком раздора, втягивая в кровавый водоворот безжалостных террористов, алчных бандитов и одного человека, которому суждено встать у них на пути. Захар Троицкий, чиновник для особых поручений, бросает вызов невидимому врагу. В гонке со временем, где на кону стоит жизнь императора и судьба империи, он должен распутать клубок лжи, предательства и политических интриг, не доверяя никому. Кроме Грушки, отчаянной девушки-послушницы, – неукротимая энергия и обостренное чувство справедливости делают ее неожиданной, но незаменимой помощницей в смертельно опасном деле... Елена Дорош – философ и тонкий психолог. В увлекательной форме остросюжетного романа она рассказывает о вечных ценностях: любви, доброте, взаимопонимании и взаимопомощи. В ее книгах добро всегда побеждает зло, а справедливость торжествует.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249706-3

© Дорош Е., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Первое мая тысяча девятьсот тринадцатого года	7
Ночь у костромской пристани	12
Вызов к министру	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Дорош

Роковой саквояж

Редактор серии А. Антонова.

Оформление серии О. Фатиховой.

© Дорош Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Первое мая тысяча девятьсот тринадцатого года

Пароходом, каютой и всем прочим Киселев остался доволен. Вообще выкрашенные розовым «самолетские» суда ему нравились больше, чем те, что у «Кавказа и Меркурия». С виду такие же, двухпалубные, но внутри чище и каждый раз убеждаешься, что вежливость персонала дорогого стоит. К тому же пароход был из тех, что сделаны в Бельгии – всегда плюс и немалый – по особому заказу. Нынче ему достался «Пушкин», а раньше ходил он и на «Тургеневе», и на «Лермонтове». Суда небольшие, не то что «княжеские» – «Суздальский», «Удалой», «Владимир Святой» и прочие. Те помпезные уж больно. «Писательские» поменьше, зато уютнее, и кормежка не в пример лучше, нежели на пафосных. Там все бланманже норвят подать. А чего ему с того бланманже, ежели любит он картошку толченую с котлетой и огурцом соленным.

Правда, однажды и пароходы товарищества «Самолет» перед ним оконфузились. Судно под названием «Депеша» по недосмотру команды село на мель и чуть не затонуло. Много чего тогда услышал капитан от пассажиров! Ну, да это дело прошлое. Нынче все иначе! «Пушкин», он Пушкин и есть!

С этими хорошими мыслями Аникей Гаврилович прошел в свою каюту и первым делом спрятал под койку саквояж, надавивший руку так, что она вся зашлась.

Хоронушка так себе, можно сказать, никакая, но обратиться к капитану с просьбой обеспечить сохранность ценного груза было невозможно. Об этом его строго-настрого предупредили в страховой компании. Сразу привлечешь излишнее внимание, а в нынешней ситуации оно ни к чему. Аникей Гаврилович отлично понимал все тонкости теперешнего своего вояжа и был уверен, что важное поручение выполнит с честью. Он намеревался покинуть каюту только по великой надобности, с этой целью взял с собой еды – сколько можно было – и запаса еще кое-чем, но, скорее, чтобы скука не мучила.

С лекарства против скуки он и начал. После «Смирновской» тревога сразу улеглась, и взамен в голове возникла вполне разумная мысль, что идея безвылазно сидеть в каюте глупая.

И дело даже не в том, что за пять дней путешествия от Твери до Нижнего он успеет прибрать всю провизию. Затворническое поведение привлечет к себе гораздо более внимания, чем если бы он, к примеру, безвылазно сидел в ресторане.

Как тут не подумать досужим зевакам, коих на пароходе полным-полно, что пассажир ведет себя странно? Стало быть, есть у него резон корчить из себя буку. А какой резон может быть? Наверняка что-то ценное везет.

Аникей Гаврилович помотал головой, досадуя на себя, и в этот самый момент учуял завлекательный запах, доносившийся из кампуса. «Смирновская» разожгла неуместный аппетит и довершила процесс самоговора.

Стоимость продовольствия на всех пароходах недорогая: за обед из трех блюд возьмут восемьдесят копеек. Без супа опять же не обойтись! В прошлую поездку он было решил питаться всухомятку, так изжогой всю дорогу маялся. И, главное, с чего решил экономить, непонятно! Селянка или уха из свежей осетрины стоят не более шестидесяти копеек за сытную порцию.

Да и что штоф водки на пять дней! Тьфу! В этом деле жадничать не приходится: стоимость крепких напитков на пароходах всего на двадцать процентов выше погребной. А вот ежели чаю захочется, так удобнее пить чай со своей заваркой и сахаром. Его Авдотья положила в дорогу, не скупясь. Кипяток с посудой подается за пять копеек, а после можно требовать без приплаты сколько угодно.

За выпивкой он пропустил момент, когда «Пушкин» отчалил от пристани и успел набрать ход. Самое время сделать короткий променад по общей палубе и первым нырнуть в столовую. С полным брюхом станет веселее и спокойнее на душе.

Размышляя подобным образом, Аникей Гаврилович встал и, оправив дорожный сюртук, вышел из каюты. Заперев за собой дверь, он на всякий случай подергал ручку и, внимательно оглядевшись, двинулся вдоль палубы.

В этом году навигация началась раньше обычного – двадцать девятого апреля. А все потому, что весна выдалась ранняя и полноводная. Холодновато, конечно, особенно на воде, но все равно здорово!

Застегнув пододевший под сюртук теплый жилет, Киселев, держась за поручни, дошел до верхней палубы и остановился поглядеть на проходящий мимо колесный пароход. «Великая княжна Ольга Николаевна» – было написано на борту.

Киселев залюбовался. Новенький, только что на воду спущен. Как-нибудь, бог даст, поплывет и на нем.

Вышагивая по чистым доскам, Аникей Гаврилович неожиданно вспомнил разговор с начальником перед отплытием. В этот раз беседа была обстоятельной и больше походила на инструктаж для начинающих шпионов. Нервничал с непривычки, потому запомнил не все, а вот теперь вспомнил, что первым делом следует присмотреться к пассажирам на предмет, не выглядит ли кто-либо подозрительным или чересчур интересующимся его персоной.

Вообще Киселев считал себя человеком наблюдательным и проницательным, что для страхового агента не в диковинку, но то при выполнении привычных должностных обязанностей. Там он был кум королю, даром что работал на этом месте всего ничего – три года с месяцем. Начальство и то дивилось, как ловко и быстро он мог раскрутить клиента на выгодную для компании подписку. Не раз был премирован за это. Должно быть, поэтому для выполнения столь щекотливого поручения, как нынешнее, выбрали именно его.

Аникей Гаврилович уселся в ближайшее к трапу кресло, надвинул на лоб канотье и принялся за дело, благо пассажиры, еще не утомленные однообразными речными видами, высыпали на палубу любоваться открывающимися пейзажами.

У Твери Волга имеет ширину всего сто саженей, а, например, под Симбирском – до двух верст. Естественно, в зависимости от ширины и многоводия Волги находятся и размеры пароходов. Небольшие плавают обычно на плесе Тверь – Рыбинск, средние – между Рыбинском и Нижним, а огромные «американцы» уже от него до Астрахани.

В верхнем плесе в середине лета часто из-за мелководья пароходное движение вообще прекращается. Весной – дело другое. Волга широка, глубока, потому суда идут смело и ходко. Нынче повезло ему без пересадок плыть от Твери до самого Нижнего. В обычные годы прямым ходом от Твери до Астрахани пароходы пускал только «Самолет», а тут их понабежало! Не протолкнешься. Вследствие этого пассажиров поубавилось, а значит, меньше толкучки на палубах и пристанях. Облегчение и немалое, если разобраться.

Особенно в его ситуации.

Пассажиров первого класса долго считать не пришлось. Всего шесть. Старуха с компаньонкой, далеко не первой свежести девой, тучная дама в безразмерном сером салопе, страдающая одышкой и ежеминутно вытирающая платком пот, обильно текущий по пухлым щекам из-под слишком теплого капора. С нею – мальчик лет семи, худой и задумчивый, как взрослый. Этих Аникей Гаврилович оглядел бегло, сосредоточившись на двух господах средних лет, стоявших рядом и казавшихся увлеченными беседой.

Их надобно взять под особое наблюдение.

Теперь второй класс.

Пассажиров второго класса, спустившись на нижнюю палубу, он насчитал девятнадцать. Встав так, чтобы его не было заметно за переборкой, Аникей Гаврилович пристально рассмотрел каждого и выделил для себя четверых подозрительных.

Итак, наблюдать надо за шестью.

Немного, но и немало, хотя предстояло еще увидеть пассажиров третьего класса. Те волновали его меньше: на верхние палубы им выходить запрещено, и каждый нарушитель мигом становился заметен.

На всякий случай еще при посадке он уточнил, сколько трехклассных пассажиров вмещает судно, и услышал, что от Твери едут всего пятеро, но в Плесе к ним присоединятся монахи.

– Тех, как овец нерезанных, – хмуро добавил помощник. – На молебен в Нижний поедут. Беда с ними завсегда.

– Отчего же? – заинтересованно спросил Аникей Гаврилович, но ответа услышать не успел: по окрику капитана помощник сорвался с места и побежал в рубку.

На иных пароходах существует еще четвертый класс для чернорабочих, едущих артелями. Проезд отличается большою дешевизной, но пароходные администрации не заботятся даже о примитивных удобствах пассажиров, и люди перевозятся совершенно как скот: четвертоклассные пассажиры обыкновенно помещаются в носовой части нижней палубы на голом полу под открытым небом.

На «Пушкине» подобного безобразия не было, что определило выбор судна.

Надолго оставлять каюту, хоть и запертую, ему не хотелось, поэтому, сделав первые выводы и определившись, за кем следует установить надзор, Киселев поспешил вернуться к себе.

Устал с непривычки, да и обед – услышал, как этим вопросом интересовалась грузная дама, – начнут подавать только через час.

Свою каюту Аникей Гаврилович считал невероятным везеньем, ведь даже на малых пароходах тверского плеса разница между первым и вторым классом довольно резкая: во втором помещения отличаются удобствами да и чистотой. Поскольку путешествие предстояло долгое, а миссия – важной, ему впервые приобрели двухместную каюту первого класса с электрическим освещением, умывальником и отдельным гальюном. Таких на пароходе всего четыре! Ванной с бесплатным пользованием, правда, не было, такие помещения бывают только на пароходах нижнего плеса. Ну да бог с ними, с ванными! Как будто ему привыкать по неделям не мыться!

Тут ведь в чем еще прибыль: пассажир, купивший билет с правом на отдельную каюту, получает из кассы пристани ключ от нее. Ну, как не поблагодарить родную страховую компанию за предусмотрительность! Считаю, в отдельной квартире поплывет.

Хотя, чего греха таить, неудобства у «самолетных» малых судов тоже были. К ним часто относили нахождение пассажирских помещений под палубным балконом, вследствие чего выгрузка товара происходила прямо над головой пассажиров. Ладно бы только днем! Так и ночью то же самое.

Аникея Гавриловича подобные мелкие неудобства не затрудняли совершенно.

Ему частенько приходилось сновать вдоль волжских берегов, перевозя документы. Страховая компания «Волга», в которой он работал, обслуживала владельцев торговых и пассажирских судов. Крупных товариществ вроде «Самолета» или «Кавказа и Меркурия» привлечь пока не удалось, имели дело в основном с теми, что помельче, да подешевле. Всякого натерпеться пришлось. Иной раз ночевал в общей каюте и просыпался, искусанный клопами. А бывало, буквально с первого дня начинал мучиться желудком из-за плохой воды.

Волжская вода загрязнена отбросами и для питья совершенно непригодна. Конечно, на пароходах ее фильтруют, но так неудовлетворительно, что народ начинает бегать в галюн на

втором часу после отплытия. Бывало, очередь выстраивалась через всю палубу, и к ночи уборная превращалась в нечто совсем неудобоваримое.

Аникей Гаврилович эти дела изучил хорошо, поэтому на дешевых парходиках старался удовлетворять жажду пивом, квасом – хлебный по десять копеек бутылка – и чаем.

Но то раньше. Нынче он сподобился совместить работу с приятственным времяпрепровождением.

До чего же хорошо это! Особливо такой весной, как нынешняя!

За полдня успел он разведать все условия своего путешествия. Очень понравилось, что кухня и цены для первого и второго классов общие, но столовые – отдельные. Стало быть, компания за обедом будет немногочисленная, а публика – чистая.

Да и обед можно получить быстрее. Ему ведь расслаживаться некогда. Надобно бдеть.

Съестные припасы, в принципе, можно покупать и на пристанях. В больших городах у самых дебаркадеров имеются разные закусовые, лавки, женщины и дети продают хлеб, яйца, молоко, часто жареную птицу и рыбу, ягоды, фрукты. Все это в общем дешево, хотя с фруктами – знал по опыту – следует быть осторожнее, как и с молоком.

Гуляя по палубе, Киселев заприметил несколько шкафов с книгами, какие заводятся на приличных судах для интеллигентной публики. Книги обыкновенно случайные, за которыми следует обращаться к помощнику капитана. Но все эти глупости для праздной публики, Аникею без надобности. Да и, правду сказать, приверженцев чтения летом он встречал редко. Только если какая кисейная барышня, мнящая себя поклонницей романов господина Тургенева, усядется с книжонкой под тентом, да и то больше для блезира: вид делает, что читает, а сама так и зыркает из-под шляпки. Видит ли кто, какая она образованная!

Аникей Гаврилович остановился возле одного шкафа и принялся разглядывать пассажиров, пользуясь стеклом как зеркалом. А вдруг кто-либо из них как раз в этот момент выдаст себя пристальным взглядом в его сторону?

Однако никто на него внимания не обращал. Только толстая тетка сурово поглядела, когда ее мальчишка, пробежав мимо, чувствительно задел его рукой. Мол, только попробуй возмутиться сим поступком милого дитяти!

Аникей Гаврилович сделал вид, что толчка не заметил. Книжки разглядывал!

Устав от впечатлений, он едва дождался обеда, коим остался доволен, и, вдоволь насмотревшись на пассажиров первого класса, лег отдохнуть.

Хотя парходные правила гласят, что каждый пассажир может иметь при себе подушку и саквояж весом не более пуда, обыкновенно это не соблюдается, и администрация волжских парходов не делает придирки к пассажирам за багаж, лишь бы только он помещался под столом или на занятом диване.

Его багаж хоть и был весьма тяжел, прекрасно уместился под койкой, добавив Аникею Гавриловичу уверенности, что все будет хорошо.

На этой мысли он уснул и проснулся, к своему удивлению, лишь на следующее утро, когда парход подходил к Рыбинску.

За работой кряччиков, которые занялись грузом, прибывшим к месту назначения, он наблюдал, стоя возле своей каюты. Никуда не отлучался и даже не ответил на призыв вахтенного пройти к носовой части, чтобы не стоять, как он выразился, «под грузом».

Аникей Гаврилович с места не сошел до того самого момента, когда капитан приказал отдать швартовы.

В течение дня он несколько раз наведывался в места, где проводили время пассажиры второго класса, но надолго каюты не покидал. Взглянет, чем заняты четверо подозрительных субъектов, и назад.

Тех двоих, что плыли вместе с ним в первом, он почти не оставлял вниманием. Все старался невзначай приблизиться, чтобы послушать, о чем говорят. В какой-то момент даже пока-

залось, что при его приближении подозрительные господа начинают переглядываться и переходят на шепот, но, поразмыслив, Аникей Гаврилович решил, что сам сподвиг их на подобную реакцию: уж больно рьяно принялся присматриваться и прислушиваться.

Это заставило его запереться в каюте и запретить себе без дела шляться по палубе.

Ночь у костромской пристани

Обычно мешающие спокойствию речного путешествия пронзительные свистки и рев, которыми обмениваются между собой встречающиеся пароходы, Аникею Гавриловичу не досаждали. Сон его всегда был крепок.

Но после первой ночи он спал урывками, чутко и нервно прислушиваясь к любому шороху за дверью каюты.

По этой самой причине Ярославля не видел. Как только пристали, сразу уснул, измученный, и проснулся лишь тогда, когда вновь услышал зычный гудок прощающегося с берегом «Пушкина».

На Кострому, однако, взглянуть хотелось, тем паче, что из разговора команды выяснилось: на пристани собран груз, который следовало доставить в Нижний.

Ему нравилось ожидать появления города, когда смотришь с воды. Иной раз это происходит неожиданно. Не было ничего, кроме поросших лесом берегов, вдруг раз – и открывается россыпь домов, перемешанных с церквями и плешками базарных площадей.

Кострома о своем появлении предупреждала загодя. Сначала на горизонте вспыхивали купола Ипатьевского монастыря, а уж потом медленно выплывал из-за поворота весь город, увенчанный короной церковей. Аникей Гаврилович с удовольствием узнавал любимейшие, в которых приходилось бывать. Вон Богоотцовская, Архангельская, Успенский и Богоявленский соборы Костромского кремля, за ними – Богословская на Каткиной горе, Борисоглебская и Всесвятская. На самом берегу – Николы Мокрого, а там рукой подать до храма Воскресения Христова на Нижней Дебре со Знаменской церковью южнее. Это те, что видны издалека и сразу, а можно, присмотревшись, разглядеть и другие, коих было превеликое множество.

Еще бы! Колыбель царствующего дома Романовых эта Кострома. Отсюда вся династия пошла. С самого первого – Михаила Федоровича. В Костроме храмы растут, как грибы, и расти будут.

В этом году Кострома показалась ему нарядней обычного! Само собой, связано это с ожидаемым событием – приездом в город императорской четы с домочадцами и приближенными в честь трехсотлетия царствования Дома Романовых.

Об этом загодя писали все газеты. Подписанным двадцать первого февраля высочайшим указом – дабы «достойно ознаменовать нынешний торжественный день и увековечить его в памяти народной» – даровались милости подданным, и была представлена обширная программа празднований. Среди прочего значилось посещение богохранимой Костромы, которое намечалось на девятнадцатое мая.

Всего ничего осталось – меньше трех недель, – вот горожане и готовятся. Такое впечатление, будто купола на всех церквях с мылом вымыли.

Вот бы хоть одним глазком взглянуть на Николая Второго с его мадам!

Аникей Гаврилович прикинул и запечалился: не получится никак. В это время он должен быть уже в Твери и готовиться к поездке в Сибирь.

Чуть пришвартовались, набежали крючники и принялись перетаскивать с пристани в трюм тюки с товаром. Пассажиры от скуки выскочили смотреть на рабочих, а Киселев в это время наблюдал за ними самими.

Все пытался понять, есть ли среди них умышляющие зло против него. По всему выходило: если таковые и были, пока себя никак не обнаружили.

На пристань Аникей Гаврилович спускаться, разумеется, не стал. И не только из осторожности.

Пароходные конторки в большинстве случаев совершенно неудовлетворительны. Помещения для пассажиров тесны, плохо вентилируются. Весьма обидно к тому же, что часто из

имеющихся двух комнат для пассажиров первого и второго классов одна – та, что получше, разумеется, – держится на запоре и отпирается лишь для отдельных лиц, по протекции, а все пассажиры теснятся в единственной комнате.

На больших пристанях, особенно в Нижнем Новгороде, удобств больше. На начальных и пересадочных пристанях можно, взявши билет, поместиться на пароходе заблаговременно, даже накануне отъезда, если пароход у пристани. Этим преимуществом Аникей Гаврилович надеялся воспользоваться на обратном пути.

Отплытия ждали долго. Одно из волжских неудобств – отсутствие в отношении пароходных расписаний единого времени подобно принятому на железных дорогах – петербургскому. На Волге пароходы отходили от каждой пристани по местному времени, что подчас вело к недоразумениям в пути.

Некоторые пассажиры этого, видать, не знали. Грузная дама поглядывала на часы, то и дело доставая их из кармана. Киселев заметил: часы золотые, массивные и, сразу видно, – мужские. Наверняка остались после покойного муженька. А мальчонка скорее внук, если судить по возрасту.

Двое господ тоже были на палубе. На пристань не сошли, стало быть, нужды ни в чем нет, или наоборот – есть, но только на судне. Не в его ли каюте? Выгадывают удобный момент, чтобы она осталась без присмотра?

Эта мысль так напугала Аникея Гавриловича, что он срочно покинул палубу и, вернувшись к себе, первым делом полез под койку. Саквояж был на месте, но со страху этого показалось недостаточно. Аникей выволок его на середину, проверил застёжки и, подняв, прикинул: не стал ли легче.

Впрочем, последнее явно было лишним. Ежели злоумышленники доберутся до содержимого, саквояж сразу так полегчает, что и болонка в зубах унести сможет.

Утерев пот, Аникей Гаврилович сел на койку отдышаться, да заодно пригубить рюмашку для снятия напряжения.

Нет, более никогда он не согласится на подобное поручение! Нервы не те! Тут пеньковые канаты сгодились бы! Да куда пеньковым! Железные нужны! Стальные!

На обед Аникей Гаврилович не пошел. Не хотел даже смотреть на тех двоих.

Так и просидел на койке, запивая вчерашний пирожок холодным чаем.

Как выяснилось, не пошел зря. На обеде было объявлено, что по техническим причинам «Пушкин» задержится в Костроме до ночи. Точное время отправления будет известно позднее.

Киселеву, пропустившему объявление, задержка показалась подозрительной и еще более расшатала расхолодившиеся нервы.

В конце концов пришлось ему выйти на палубу, где только и говорили о том, что под «техническими причинами» наверняка подразумевается поломка. Старуха с компаньонкой наперебой принялись вспоминать про всякие ужасы, слышанные невесть от кого.

– Весной под Астраханью вот так же затонул пароход! – перебивая друг друга, с жаром трещали глупые бабы. – Сначала сказали, что задержка из-за груза. Груз, мол, ждем! А потом выяснилось, что в судне пробоина с телегу! Так никто спастись не смог! Никто! Все, как есть, потонули! А капитан первым! Сказал, что все равно ему жизни не будет, и сиганул в воду на глазах у команды! И не выплыл, представляете, господа!

Господа качали головами, толстуха бледнела, то и дело хватаясь за щеки, и ни один не догадался спросить, откуда стали известны леденящие кровь подробности, если все до одного бывшие на судне погибли.

Несколько пассажиров из второго класса поднялись на верхнюю палубу и остановились, тревожно прислушиваясь к разговору. Были среди них и те четверо, что Аникей выделил в качестве подозрительных. Киселев встал так, чтобы наблюдать за всеми одновременно и в то же время не спускать глаз со своей каюты. Как бы в толпе не попытался кто-то вскрыть замок!

В тревожном ожидании прошло несколько часов, но на ужине капитан объявил, что все проблемы решены, и в полночь «Пушкин» отправится дальше, по пути нагнав отставание.

Успокоившаяся публика с аппетитом поела и разошлась по каютам.

Аникей Гаврилович немного постоял возле своей двери, глядя на вечернюю Кострому и радуясь, что еще один день прошел без приключений, а затем отправился на покой.

Перед тем как улечься, он немного пригубил из початого штофа и наконец с удовольствием вытянул ноги на узкой койке.

Перед сном успел подумать, что толстякам на подобных лежанках спать неудобно, а его конституция субтильная, потому, хоть на спине лежи, хоть колени поджимай – все одно хорошо.

Под шум волн веки быстро начали тяжелеть. Аникей Гаврилович повернулся набок и положил под щеку ладонь...

Судно все еще стояло у причала, когда дверь каюты неслышно отворилась, и темная фигура, переступив через порог, молча двинулась к спящему человеку, держа в руках носовой платок.

Наверное, будь Аникей Гаврилович настроен чуть менее тревожно, он бы так и остался лежать на узкой койке, усыпленный.

Однако же вышло иначе.

Рука с платком потянулась к его лицу, но в самый последний момент Аникей Гаврилович открыл глаза и, машинально оттолкнув руку, сел. Сознание включилось не сразу, а в тот миг, когда показавшаяся странно бесформенной туша навалилась, норовя сунуть платок в нос. Запах ударил в ноздри, но Аникей Гаврилович успел отвернуть лицо, и платок ткнулся в переборку позади.

Его положение было хуже: нападавший давил сверху, а ему приходилось отбиваться сидя. К тому же с первых мгновений стало очевидно: злодей силен. В темноте не было видно его лица, только очертания крупной фигуры в балахоне. Аникею Гаврилович попытался встать, чтобы стать, по крайней мере, на равных, но удалось это только после того, как он в отчаянии укусил нападавшего за руку. Вскрикнув, тот ослабил хватку, и Киселев, оказавшись на ногах, стал теснить его к двери. Почему-то Аникею не пришло в голову позвать на помощь. Молча пыхтел, отпихивая противника от койки, под которой стоял саквояж.

Тот, однако, ретироваться не собирался, наоборот, давил все сильнее и наконец удачным ударом повалил жертву на пол.

На несколько мгновений Аникей Гаврилович потерял сознание, а очнувшись, увидел, что злодей нагнулся и лезет под койку. Собрав все силы, Киселев, не вставая, двумя ногами изо всей силы пнул подлеца под зад.

Злодей сунулся головой в переборку, глухо взвыл, развернувшись, взмахнул саквояжем, норовя попасть Киселеву прямо в голову, но промахнулся и под тяжестью груза сам упал на четвереньки.

Завязался новый раунд борьбы. В какой-то момент Аникею удалось сорвать с головы противника шапку, он глянул и оторопел: прямо перед ним кривилось от натуги и злобы лицо толстухи, а шапкой оказался капор. Жесткие поля смялись в пылу драки, мантоньерки развязались, вот он и съехал, открыв взъерошенные короткие космы и красную потную рожу. Самую гнусную рожу на свете!

Аникей Гаврилович так разозлился, что сил прибавилось. Обеими руками он вцепился вражине в волосы и дернул так, что толстуха завyla в голос, однако рук не расцепила и саквояж не выпустила, а рванулась и, поднявшись на ноги, бросилась вон.

Аникей Гаврилович, вскочив, кинулся следом, пытаясь схватить саквояж.

Это было поистине удивительно: толстуха с такой легкостью неслась по палубе, будто не было у нее в руках пудового груза. Аникей едва поспевал за ней налегке. Тетка рвалась к

пристани, собираясь перескочить на дебаркадер. Киселев настиг ее перекинувшей одну ногу через бортик.

Это и помешало замыслу. Враскоряку она не сумела противостоять ему.

Подбежав, Аникей Гаврилович, не раздумывая, со всех сил ударил гнусную бабу кулаком в лицо. Толстуха дернулась и выронила саквояж. Тот упал в воду без всплеска и тотчас пошел ко дну.

В горячности Киселев ударил снова, и баба, покачнувшись, упала следом в узкую щель между бортом и краем пристани. Мелькнули панталоны и крепкий мужской башмак.

Бах!

Звук был таким страшным, что Аникей Гаврилович сразу пришел в себя.

Перевесившись через поручни, он с ужасом глянул вниз и увидел, как толстуха погружается в воду, оставляя на поверхности пузырь из раздувшегося салопа.

С минуту Киселев стоял, тупо глядя на место падения, но злодейка так и не всплыла.

Аникей Гаврилович выдохнул и посмотрел по сторонам. Странно, но вокруг было необычно тихо. словно все специально притаились, чтобы не мешать их с толстухой борьбе.

И на пристани тоже будто бы пусто. Выходит, никто ничего не видел?

Аникей Гаврилович перекрестился и утер с лица пот.

Может, оно и к лучшему.

Оставалось понять, что стало с саквояжем.

По углам дебаркадера были установлены фонари. Горели только два, но и их света было достаточно, чтобы убедиться: дно вокруг пристани выложено крупными камнями. Если саквояж упал прямо за бортом, то на камни. Следовательно, сразу течением не унесет и песком не накроет.

А раз так, его можно найти.

Нет, не так! Саквояж следует найти обязательно, и он это сделает!

Иначе можно не возвращаться.

Вообще.

Ведь свидетелей тому, что случилось, нет.

А значит, не докажешь, что он не сам украл этот злосчастный саквояж.

Никто не поверит, что простой страховой агент не польстился на пуд чистого золота в слитках.

Господи, спаси и помилуй мя грешного!

Ровно через пятнадцать минут на пароходе все оживилось. Забегали матросы, раздался гудок, капитан в рупор скомандовал «отдать швартовы», и «Пушкин», еще раз прогудев на прощание, медленно отошел от костромской пристани.

А утром после завтрака на судне не досчитались трех пассажиров первого класса. Неведомо куда исчезли мужчина из двухместной каюты и пожилая дама с мальчиком.

Впрочем, вахтенный утверждал, что мальчик сошел с парохода вовсе не с бабушкой, а с каким-то мужчиной, который встретил его на пристани, куда малец переместился рано утром. Допрошенный капитаном, вахтенный утверждал, что ребенок шел по доброй воле и даже как будто был рад.

– Чему рад? – недоуменно спросил капитан.

– Да кто его знает, чему! Подпрыгивал аж!

ВЫЗОВ К МИНИСТРУ

Председатель Страхового общества «Волга» Николай Сергеевич Адамов с утра был не в настроении. Отменил два совещания – одно очень важное – и даже не пошел обедать. Последнее обсуждалось в канцелярии особенно живо. Николай Сергеевич числился ярким приверженцем правильного питания и обед не пропускал никогда.

Пока страховая компания располагалась в Нижнем, Николай Сергеевич был в своих пристрастиях строг, обедал всегда только в ресторане «Савой» на Большой Покровской и никаких других не признавал. Нынче же после недавнего – в начале года – переезда главной конторы в столицу в собственное здание на Казанской площади председатель свои привычки пересмотрел: начал менять рестораны, словно решил перепробовать все, какие ни есть. Автомобиль его видели у «Контана», у «Кюбы» и особо модном в последние годы «Донон, Бетан и Татары», в котором все официанты были татарами, но при этом подавались исключительно блюда высокой французской кухни.

На прошлой неделе Николай Сергеевич изволил отобедать в ресторане «Палкин» на Невском проспекте и, вернувшись, во всеуслышание заявил, что русскими блюдами не накормит никто лучше Палкина. Через час вся контора знала, что начальник успел отведать котлеты «попалкински», суп-пюре Сант-Гюрбер, палкинскую форель, а еще – филе «дэ беф Ришелье», севрюгу в рейнвейне, пудинг из фруктов глясе «а-ля Палкин» и прочие наипрекраснейшие блюда, которым, казалось, несть числа.

Некоторые делали большие глаза, дивясь аппетиту худосочного Адамова, но вскоре выяснилась прелюбопытнейшая деталь. Николай Сергеевич обедал не один, а в компании некой мадемуазель Ласточкиной, молодой актрисы из Александринки. Стала понятна необычная для скуповатого председателя щедрость, а также перемена мест, вызванная, как было решено, нежеланием, чтобы о вояжах по ресторанам узнала дражайшая супруга Николая Сергеевича – Капитолина Матвеевна.

Еще накануне вечером господин Адамов приказал подать автомобиль не позже полудня, но время уже близилось к двум, а председатель все сидел в кабинете.

О причинах пытались расспрашивать у личного секретаря председателя, но Сигизмунд Генрихович только пожимал плечами и хмурился, давая понять, что сам находится в крайнем недоумении.

Итогом всех непонятностей стало стремительное появление Адамова, который неожиданно выбежал из кабинета в пальто и шляпе, пронесся по коридору и уехал, а через минуту швейцар сообщил, что шоферу начальник приказал везти себя на Фонтанку к дому под номером пятьдесят семь. Услышанное окончательно выбило служащих из колеи, ибо по этому адресу располагалось Министерство внутренних дел Российской империи.

– Неужели к Маклакову вызвали? – побледнев, прошептал Сигизмунд Генрихович.

Вызов к министру внутренних дел – это понимали все – вкупе с отказом от обеда не сулил ничего хорошего.

Ладно бы ехать пришлось к министру путей сообщения Сергею Васильевичу Рухлову, с которым страховое общество нередко вступало в контры по поводу всяких выплат, но чтобы к Маклакову...

Само по себе посещение министерства, которое осуществляло надзор за страховой деятельностью, не должно было вызывать страх, но на памяти старейших сотрудников компании в последний раз такой казус случался двенадцать лет назад, после чего председатель правления «Волги» был снят с должности и отправлен в отставку без выплат и почетных наград.

– Как бы чего не вышло, – прошептал Сигизмунд Генрихович.

Запершись в кабинете и поразмыслив, он набрал номер одного из учредителей компании – нижегородского купца первой гильдии Ромашова. Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорится.

Анастас Григорьевич Ромашов отреагировал на звонок совсем не так, как ожидал Сигизмунд Генрихович. Молча выслушал и приказал слухов не распускать, а будет кто из сотрудников много говорить, гнать того взащей немедленно и без содержания.

– Да и сам языком не трепи, – добавил Анастас Григорьевич с угрозой в голосе, – а то знаешь, что с болтунами бывает.

– Да я только хотел...

– Я сказал, ты услышал, – прервал бляение секретаря Ромашов и бросил трубку.

Сигизмунд Генрихович упал на стул и закатил глаза.

Грядет нечто ужасное!

Между тем до самого ужасного было еще далеко, поэтому в кабинете министра внутренних дел разговор шел на тревожных, но не повышенных тонах.

– Как же вы, Николай Сергеевич, послали человека с таким грузом, да без страховки, извините за невольный каламбур?

– Такое приказание получил, Николай Алексеевич, – развел руками Адамов. – Однозначно передано секретарем, чтобы о содержимом саквояжа не было известно ни одной душе, кроме меня и непосредственного исполнителя. Любые действия по дополнительной охране вызвали бы лишний интерес со всех сторон.

– Груз принадлежит компании?

– Да... – с запинкой ответил Адамов.

– Или кому-то конкретно?

– Господи, да откуда же мне знать! Я – простой служащий! Сказано – сделано!

– Не прибедняйтесь! – поморщился министр.

– Клянусь: секретарь передал, я все выполнил в точности.

– А каковы резоны были выбрать Киселева? Он на особом доверии?

– Мне кажется, да, – несколько замявшись, произнес Адамов.

– У кого? – наклонившись, поинтересовался Маклаков.

– Его фамилия была названа мне, вот все, что могу сказать, Николай Алексеевич. Впрочем, признаюсь честно, недоумения она не вызвала. Киселев отработал в «Волге» три года, выполнял разные поручения, порой даже щекотливые, и ни одного нарекания за все время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.